

Н. И. Фатиев¹

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ — ЯЗЫК И ЛОГИКА

Среди разнообразных аспектов темы межкультурного диалога как коммуникации не до конца прояснен вопрос о надежности основных средств, создающих возможность взаимопонимания, — языка и логики. В отношении языка, казалось бы, все в порядке — переводчиками в разных странах накоплен огромный опыт, но в теории проблемы остаются. Например, гипотеза Сепира–Уорфа говорит о том, что терминологически национальные языки не совпадают. Скажем, голубой в русском языке — это в ряде европейских языков и синий, и голубой цвета. В японском языке слово «аои» обозначает одновременно и синий, и зеленый цвета. В языке южноафриканского народа шона желто-зеленый — отдельное слово, а не словосочетание. У эскимосов, как известно, нет понятия «снег», зато присутствуют свыше двух десятков слов, способных выразить агрегатное состояние этого самого снега. А у папуасов слово «гавагаи» обозначает кролика, кусок кролика, сотню кроликов, десять тысяч кроликов и т. д.

Казалось бы, все это должно фундаментально мешать строгому переводу с одних языков на другие. Более того, если следовать идеям В. Гумбольдта о фундаментальности влияния языка на культуру народа, то гипотеза лингвистической относительности должна в известном смысле «подрывать устои» межкультурной коммуникации. Между тем этого не происходит. Экспериментальная психология, долго занимавшаяся этим вопросом, не нашла эмпирического подтверждения этому. Человек не замкнут в пространстве своего языка в том значении этого выражения, что язык не становится труднопреодолимой преградой для постижения культурных смыслов, создаваемых другими народами². В отношении же, скажем, трансляции серьезных научных работ различие языков и даже принадлежность их к разным языковым группам никогда не составляли реальной проблемы. Вспомним, что Аристотель, писавший на древнегреческом, пришел в Европу в переводах с арабского (если иметь в виду его философские, а не логические тексты), а арабы его получили, в свою очередь, на сирийском языке.

Здесь мы приходим ко второму, отнюдь не менее важному в рамках межкультурного взаимодействия вопросу о наличии и функционировании единой логики в мышлении различных народов. Если представить, что культурные различия способны в ту или иную сторону «деформировать» сам процесс мышления, то межкультурный обмен напоминал бы диалог слепого с глухим. Как выглядел бы процесс аргументации между представителями различных культур или этносов, если бы они умудрялись делать несовпадающие формальные выводы из одних и тех же посылок? Скажем, если имеются посылки: «Все люди смертны» и «Кай — человек», то кто-то делал бы вы-

вод: «Кай смертен». А кто-то — обратный ему: «Кай бессмертен».

Такого не может быть, скажет, казалось бы, всякий нормально образованный человек. Но среди философов есть те, которые думают иначе³. Этот вопрос не раз возникал в связи с темой своеобразия логики в цивилизациях Востока.

Во-первых, возникает вопрос: в какой степени сама логика зависит от используемого естественного языка? Если такая зависимость существует, то она крайне незначительна, поскольку имеет место лишь в отношении точности формулировок определенных типов суждений. Скажем в латинском языке невозможно спутать разделительный и собирательный смыслы употребленного термина, а главное — форма отрицательного суждения не позволяет иметь его неоднозначное прочтение. Русский же язык позволяет нам истолковать суждение «Все *S* не есть *P*» двояким образом. Например, суждение «Все учебники по конституционному праву нельзя прочитать за один день» можно рассматривать в двух вариантах: первый вариант — их слишком много, а второй — каждый из них слишком толстый. Схожие сложности в китайском, ибо там «некоторые» означает «по крайней мере, один, но не все». Однако никаких серьезных проблем для логики в целом все эти примеры не создают, ибо лексика каждого языка позволяет в конечном счете точно донести до нас искомое логическое содержание, если не с помощью отдельных терминов, то с помощью словосочетаний. В итоге сама логика к XX веку совсем сняла указанную проблему, перейдя с естественных языков на формализованный.

Во-вторых, в современной философии возникла точка зрения, согласно которой на Востоке другая логика, потому что в ней отрицается истинность какого-то из фундаментальных логических законов. Имелись в виду законы тождества, противоречия, исключительно третьего.

Основная аргументация в пользу такой точки зрения связана с тем, что на санскрите называется *catuskōtika* (чатушкотики) — «четырёхвершинная». Это слово обозначает тетралемму, возникшую в индийской культуре и получившую наибольшее распространение в буддийском философском дискурсе. Буддисты не изобрели чатушкотику, но наиболее активно ее использовали. В первую очередь речь идет о Нагарджуне, выдающемся буддийском мыслителе, создателе школы Мадхьямики и вездущем мыслителе Махаяны, жившем во II–III веках. В его работе «Муламадхьямака-карика» отрицается четыре возможности происхождения вещей:

- 1) от себя;
- 2) от чего-то другого;
- 3) от (1) и (2);
- 4) ни от (1), ни от (2).

Присутствует ли здесь отрицание закона исключенного третьего? Ответ на этот вопрос требует понима-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографии «Возможные миры в философии и логике», учебного пособия «Логика» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1994.

³ Frankenhauser U. Logik in China. Wiesbaden, 1996.

ния того, что значит «от себя» и «от чего-то другого». Если трактовать — «от себя» и «от всего остального», то между первым и вторым отношение противоречия и добавления (3) и (4) нарушают *tertium non datur*. Но вполне очевидно, здесь скорее «от себя» и «от чего-то другого» следует трактовать как противоположности. Скажем, используя как пример цвет волос, — «от себя» будет означать «от брюнета», «от другого» будет означать «от блондина». В этом случае при установлении отцовства нескольких детей возможна тетралемма такого вида. Они появились:

- 1) от брюнета;
- 2) от блондина;
- 3) от блондина и от брюнета;
- 4) ни от блондина, ни от брюнета.

Тут очевидным образом описываются все возможные варианты и закон исключенного третьего не нарушается. Однако в конце работы Нагарджуны отрицается предикация существования, несуществования, того и другого вместе и ни того, ни другого вместе по отношению к Нирване. Но и в этом случае у нас нет отрицания *tertium non datur* как такового. Поскольку *A* и не-*A* не следует путать с «*A* не существует и не-*A* не существует» у Нагарджуны. Ведь, например, суждение «Зеленых русалок не существует и незеленых русалок не существует» истинно.

Отметим здесь, что прием с использованием чатушкотика стал весьма часто встречаться впоследствии в буддистских текстах. Например, вопросы типа: «Мир постоянен? Или нет? Или и то и другое? Или ни то, ни другое?» Или «Мир ограничен во времени? Или нет? Или и то и другое? Или ни то, ни другое?»¹ По-видимому, чатушкотика кажется буддистским мыслителям наиболее подходящей комбинаторной моделью для описания вариантов реальности. При этом варианты, в которых действительно возникает внутреннее противоречие вида «*A* и не-*A*», элементарно отбрасываются как раз из соображений логики. В остальных случаях

у нас присутствует противоположность, а не противоречие, как мы показали выше, либо адьюнкция (*A* и/или не-*A*).

Подытожим: логика на Востоке принципиально ничем не отличается от логики на Западе. Словесных примеров выполнения всех элементарных логических законов можно найти сколько угодно. Так, хрестоматийный пример выполнения закона тождества «Только бык есть бык» в трактате «Шаташастра» Арьядевы (II в.)². То же и там же в отношении закона противоречия: «Свойства существования и несуществования не могут восприниматься в одно и то же время в одних и тех же дхармах»³.

Однако следует в заключение напомнить, что логика в своем историческом развитии выполняла не только задачи, связанные с обеспечением процедуры доказательства и формированием правил аргументации в спорах. Использовалась она и в теологии. В частности, хорошо известный в средневековой мысли спор об универсалиях имел очевидный богословский аспект, сильно нагружавший логику онтологической проблематикой. Но в этом католический Запад и буддистский Восток также вели себя совершенно одинаково, то есть считать какую-то логику религиозной — то же самое, что считать таковой, например, физику или математику. Таким образом, всецело соглашаясь с Г. Паулем и Х. Ленком в плане идентичности самой логики в разных ареалах ее существования, укажем, что под культурными различиями здесь можно иметь в виду лишь различие целей, для которых она создавалась. Для Аристотеля важнее всего был социально-политический аспект генезиса логических учений, а в Древней Индии стремление упорядочить научный спор изначально касалось дискуссий по медицинским трактатам. Функционирование же любой науки в условиях, при которых ее выводы или приложения имеют мировоззренческий характер, зависит не от особенностей этой науки, а от особенностей общества на определенном этапе его исторического развития.

¹ Базаров А. А. Институт философского диспута в тибетском буддизме. СПб., 1998. С. 57.

² Пауль Г., Ленк Х. Логика и культура. Об универсальных верных законах логической формы и определяемых культурой различиях логики // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 38.

³ Там же.